

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44
Б43

Редактор Анастасия Шевченко

Белодед И.

Б43 Не говори о нём: [повести] / Игорь Белодед. — М. : Альпина нон-фикшн, 2023. — 344 с.

ISBN 978-5-00139-842-4

В сборник повестей «Не говори о нём» вошли истории о трех потерянных подростках: каждый из них по-своему вычеркнут из мира, каждый — отчужден от родителей, но все они стремятся обрести внутри себя смысл, дать порой страшной реальности объяснение — и тем самым приручить ее. Всех их ждет осуществление кошмаров, борьба со своими демонами. Но удастся ли им выстоять, остаться самими собой и по-настоящему повзрослеть?

Игорь Белодед ставит неприятные вопросы и дает на них стилистически выверенные ответы, которые множат теперь уже взрослые вопросы до бесконечности. Герои его прозы смотрят в зеркало и видят не только свое отражение, стоит лишь присмотреться — и из-за спины выглядывают десятки застывших масок и звериных морд.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00139-842-4

© И. Белодед, 2023
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

СИНИЙ КИТ

1

Воспоминания были неотступны, они прилипали к пальцам, как скотч, вертелись клейкими лентами в сельской лавке, на которые садились сытые синие мухи...

Отец, как всегда утром, просыпался раньше нее, громко зевал, шел на кухню, где заводил песнь утренней суеты. Потом к нему присоединялась мама, ее сон только восстановился после того, как младшего брата определили в детский сад, и между собой они начинали говорить не о любви, а о погоде, о том, где выше ставки по вкладам, какие шторы подойдут для новой детской и в какой университет пристроить Софку. Софка! Бр-р. Она ежилась, когда слышала имя свое уменьшительно-ласкательным.

Ей казалось, что она достойна лучшего: не этого неотесанного мужчины с залысинами над старомодной роговицей очков в роли отца, не худощавой женщины с остро-искренними глазами, как разбитая по горлышку бутылка, в роли матери. Нет, сюда закралась какая-то ошибка. Если приглядеться, она была даже не похожа на них, а если приглядываться долго, то совершенно не похожа, как и на своего четырехлетнего брата. Да боже мой! — у них ведь разные глаза: у нее — серо-голубые с туманностями, а у него — карие, в отца — в ее приемного отца!

Она ощущала лицемерие мира спиной, ежилась, сидя на подоконнике, глядя на млечный снег, шинные узоры на асфальте, заметаемом поземкой, на дым, идущий из труб отогреваемых во дворе машин. И такая ненависть ее пронзала, что она выдумывала себе другую жизнь.

Из кухни донеслось:

— Софка! В школу не опоздаешь?

Это кричала ее приемная мать — никто другой это быть не мог. Скрежетали стулья, голосил проснувшийся Павел Игоревич — София, видя, что матери это неприятно, иначе не называла брата. В глубине души она ревновала маму к нему, как что-то непристойное, наблюдала расцвет любви в увядающем сорокалетнем женском естестве.

— София? Ты вообще думаешь просыпаться?

Это кричал отец, колотил в дверь и врывался в комнату, едва не падая. Толстое, коротконогое тело заполнило ее взгляд.

— Вот ты где? На подоконнике сидишь? В школу не собираешься? А? Подкинуть тебя на моем новом коне?

Самодовольный тип. Да еще и в клетчатой рубашке навывпуск и по колено натянутых красных носках. Подшерсток на ногах возбуждал в ней особенное отвращение. «На моем новом коне». Конечно, он не мог сказать просто — «на машине», ему потребовалось это дурацкое клише. И вся его жизнь была чередой клише. Да и везти ее до школы он не очень-то хочет,

просто ему не терпится показать окружающим, что он не обыкновенный инженер, а целый руководитель направления.

— Валяй, — ответила она.

— Тогда одевайся скорее. — И погода добавил: — Софочка.

Отец вышел из комнаты — взгляду стало просторнее.

За завтраком София скорчила лицо, когда прожевывала политый сгущенкой блин.

— Не хочешь — не ешь! Посмотрим, как тебя в школьной столовой накормят! — закричала мать.

— Не лезь ты к ней, ради бога, — нехотя вступился уже одетый отец. Чтобы не запахаться сгущенкой, он заломил галстук и положил его конец на левое плечо.

— Ты только и делаешь, что ее защищаешь, Игорь! Как будто Павлик тебе не родной, — и мама с грохотом поднялась из-за стола и с телячьей наставительностью стала натягивать свитер с оленями на маленькое тело четырехлетнего сына.

Утренняя блажь сошла, в машине София перестала считать своего отца приемным — он сидел слева от нее в распахнутом полушубке и заискивающе спрашивал:

— Включить подогревание сидений, а, Софочка?

Она кивнула и вдруг почувствовала к нему испуганную нежность: а что, если ложь передается

по крови, что, если она станет похожа на свою мать, как та была похожа на бабушку? И будет так же недовольна своей жизнью, и в этом недовольстве станет винить своего мужа, своих детей?.. Езды было три минуты — и вот в кольце сиреневых фонарей перед забором и бордового снега на козырьке показалась школа. София, тронув губами щеку отца, вышла из машины, и он безмолвно помахал ей в стекло с водительской стороны. Просто не верится, что его могли любить чужие женщины: такого плешивого, такого всегда некстати.

На первом уроке истории было скучно: учитель с хлипкой, поповской бородой что-то мямлил про заводы, размахивая руками, второй он разнообразил рассказами о сталинских репрессиях в лицах, особенно удавался ему Ежов. Учитель, сняв очки с переносицы, зачесывал назад волосы, подгибал колени и начинал петь писклявым голосом какую-то казацкую песню. Вдруг менялся в лице и заводил другую. На четвертой песне он хватался за шею, делал вид, что в два счета приканчивал себя, и говорил: «Репрессирован!» — и кланялся перед классом. В нем пропадал дар захолустного Гамлета.

— Запомните, дети, иногда репрессировали и тех, кто это заслуживал. В частности, учеников, у которых были плохие отметки по истории. Поразмыслите об этом на досуге.

По классу проходил нервозный хохоток.

Похохатывала соседка по парте Волобуева, в классе они считались первыми подругами —

и все-таки они не были по-настоящему близки. Волобуева была недалекая некрасивая девушка, которая осознавала свою некрасоту и пользовалась ею. Крупный нос на чересчур маленьком лице, грубые красные руки и костлявые колени, видные под шерстяными колготками. За спиной похохатывала Иванкова — красивая, породистая; каждый раз, когда София слышала ее хохот, она вспоминала, как на прошлогоднем выпускном Иванкова говорила собравшимся вокруг нее верным: «Вы знаете, что действительно помогает? Мирамистин! Ну и еще, девочки, — таблетки, без них никуда, потому что заразу можно вывести всегда, а ребеночка выводить — жалко!» София не верила, что Иванкова настолько испорчена. Да, она считала себя красивее других, да, у нее, как говорилось на уроках литературы, была высокая грудь, она происходила из слишком хорошей семьи для обыкновенной школы и была вызывающей, но все-таки не порочной.

Волобуева толкнула ее локтем в плечо и беззвучно произнесла губами: «Что ты такая мрачная?» София посмотрела на синицу из страз, выложенную на ногте ее большого пальца. Прозвенел звонок, и, только учитель истории — в заключительном порыве лицедейства — выкрикнул с кавказским напряженным призывом номера страниц, которые нужно прочитать к среде, класс вмиг опустел.

— Софа! Ты до тáлого здесь собралась сидеть?

Волобуевой надоело ждать, пока подруга сложит карандаши в пенал, тщательно переберет в ранце учебники.

— До подснежников, Лена, — отозвалась София.

Волобуева села на парту, джинсовое бедро расплылось, другая нога стала покачиваться в проходе, носок кеда оставлял на линолеуме еле заметные серые полосы.

— Кстати, ты знала, что Иванкова положила глаз на твоего Сереженьку?

— Он не мой, и вообще он не Сереженька.

Только не краснеть. Только не краснеть. Но вот София чувствует, как ее лицо заливает краска, Волобуева добродушно смотрит ей в глаза.

— Ты даже не спросишь, как я это пронюхала?

Молчи — только молчи.

— И как?

— Когда на днях в столовой Иванкова точила со своими верными, она брякнула, что не прочь замутить с двумя парнями из десятого класса. Кто был второй, я не расслышала, а вот имя Сергей уловила. Вангую, она тебя еще будет доставать, Софа.

Сергей учился в смежном классе — «А», три месяца назад он перевелся в школу из тюменской гимназии из-за переезда родителей-нефтяников, на второй неделе сломал палец однокласснику Софии и стал пользоваться

уважением среди школьников. Он был молчалив, носил пиджаки с заплатами на локтях, синие-молочные рубашки, на ногах — терракотовые туфли из нубука, и при всем том был не дурак. София познакомилась с ним в ноябре, когда неожиданно на уроке физкультуры у нее потекла носом кровь и она вышла из зала. Спустя пару минут Сергей, с грохотом раскрыв дверь, ступил в коридор, увидел, как, запрокинув голову, на скамье сидит Софья и кладет на подоконник карминные, жгуче-красные ватные круги.

— Привет, кто тебя так?

— Никто.

— Меня, кстати, Сергей зовут. Если скажешь, как зовут тебя, я готов поговорить с твоим недоброжелателем на школьном дворе.

— Надо же. Ты, видимо, тащишься от того, что ломаешь людям носы и пальцы?

Говорить было неудобно, кровь запачкала ей щеку, застыла на губном желобке... Так они и познакомились и с тех пор почти каждый день случайно сталкивались в обед. Сергей, вытягивая на ходу манжеты из-под рукавов пиджака, приближался к ней и спрашивал, все ли у нее хорошо. В нем было что-то особенное, что-то, что она про себя называла мужественностью, возможно, это была лишь обыкновенная человечность.

София чувствовала двусмысленность их встреч, она не хотела, чтобы они прекращались, но пристальное внимание Иванковой и даже

Волобуевой выводило ее из себя, так что иногда ей снилось, что она стоит одна посреди актового зала совершенно голая и на нее пальцем указывает завуч — женщина с высушенным лицом и отливающими синью волосами. Было бы правильно совсем не знакомиться с ним, разужнать сначала, что он за человек, но София боялась своих желаний, они казались ей грязными, во всяком случае, сейчас — когда лицемерие родителей обрушилось на нее, как снег со школьного козырька, и она не могла разобраться в том, что сделало из нее — Софии, «ангела», «пусечки» — отверженную дочь.

— Вот это встреча!

Волобуева, запрокинув голову, хихикнула, помахала рукой. Добраться до кабинета биологии незамеченной не удалось: перед ней стоял Сергей; в конусе болезненного зимнего света его глаза были ярко-синими, хотелось затворить их и целовать его в тонкие веки.

— Что тебе нужно?

— Ба!

— Ты можешь говорить не междометиями?

— Все равно ты неспособна дать то, что нужно мне.

— Это просто детский сад.

— Шестая группа и продленка. Сгущенного молока больше не наливать!

И тут София увидела, что на пороге класса стоит Иванкова и смотрит на них с застывшей, глиняной улыбкой на губах.

Когда она зашла в проветренный кабинет и достала из ранца тетрадь по биологии, Иванкова приблизилась к ней, положила длинный сухощавый палец на красные розы, изображенные на обложке, и сказала в пустоту класса:

— Девчонки, смотрите! Софка у нас не чурается новых веяний. Тренд. Розочки на обложках. Долго выбирала — или тебе эту тетрадку бабка купила на базаре?

— Отстань!

— Нет уж, Софка, я просто не могу пройти мимо этого произведения искусства! Поделись названием магазина, где продают такое уродство: после уроков побегу покупать, боюсь, как бы не раскупили.

Одноклассницы гоготали за ее спиной. София оттолкнула Иванкову от парты и хотела начать перепалку, но в класс, как дредноут, всплыла учительница и из обширных своих внутренностей выпалила: «Это что за безобразие?!»

На уроке София долгое время не могла прийти в себя, она механически срисовывала со страницы учебника эмбриона, пока Волобуева смахивала пальцем на сотовом, а отличница — Агата Свербицкая, она же Впадина, — читала перед классом доклад о фикусе, который она выращивала несколько лет. Ей повезло меньше Софии, два года назад на уроке географии она была единственной, кто знал глубину Марианской впадины; она так забавно тянула руку, так сильно выпучивала глаза, что, назвав

правильный ответ, обмякла, растянула губы в торжествующей, глупой улыбке. С тех пор ее и прозвали Впадиной.

София не вслушивалась в говоримое ею, но вдруг уловила что-то о тычинках, вспомнила утренние мысли, поземку, фиолетовую щеку отца и грубость матери, и ее поразила мысль, что и она тоже когда-нибудь станет матерью. Быть не может. Ребро ладони было сплошь в графите, зародыш — человеческий ли? — смотрел на нее единственным глазом с тетрадного листа. Платента где меандром, где студнем ходила вокруг него. А она никак не могла примириться с этой мыслью. Было в этом что-то противоестественное, что-то, что усложняло ее жизнь, делало лицемерие родителей, которое она не могла выразить словами, обоснованным, чуть ли не необходимым. Вот она, София Рубина, — будущая мать. Вот этот зверь, что сейчас нарисован на листе, — ее грядущий сын, который будет жить внутри нее целых девять месяцев, а когда вырастет, станет ненавидеть ее, потому что она будет изменять своему мужу, который умрет раньше нее, а она останется вдовой. Не может быть. Неправда, что она раньше сама была вот этим зверем, что ее раньше самой не было. Как ее могло вообще не быть? Софии? «Если меня не было прежде, то почему я есть именно сейчас, какая в том надобность Вселенной? И почему я задумалась об этом именно сейчас, в двенадцать тридцать? За три недели до Нового года?»

Больше всего ее поразило не то, что она умрет, а то, что ее не было — вообще не было — на протяжении тысяч и миллионов лет, мысль эта ее настолько подавила, что она прослушала вопрос учительницы.

— Рубина? Рубина? Проснись! Ты в облаках витаешь?

— Что?

— Не «что», а какие примеры конвергенции вы способны привести, Софья Игоревна?

— Конвер... что?

Класс, кривляясь и визжа, захохотал. Софья не сдержалась и снова покраснела. Учительница покачала головой и принялась испытывать тем же вопросом громко смеявшихся парней, но никто не мог дать ей вразумительного ответа.

До дома — через перелесок — она ходила одна, года два назад, бывало, ее провожал из школы одноклассник, но он переехал с родителями в другой город, прислал оттуда, кажется из Сургута, три одинаковые открытки и сгинул. Теперь она едва помнила его лицо, зато каждый раз вспоминала о нем, когда шла мимо сосен с желтой облезшей корой, с подтеками живицы, где он однажды поцеловал ее в сжатые губы. София жила ощущениями, и чем глубже она в них погружалась, тем тяжелее ей было возвращаться в школу, к родителям — ко всему тому, что она в дневниках называла «внешним миром». Сергей, казалось, мог бы

развезть ее тоску, случившуюся после окончания художественной школы, после смерти бабушки, но мысли о нем еще сильнее обостряли ее одиночество, придавали ему очарование застывшего японского сада.

Снег хрустел под подошвами, с ветки на ветку перепрыгнул бельчонок и уронил на тропу громкую сосновую шишку. Школа оставалась за спиной, но чем ближе становился дом, тем отчетливее одиночество обращалось в брезгливость. Вспоминались Павел Игоревич в свитере с оленями, со ртом ижицей, перепачканным кашей, плешь отца, сухие руки матери, ее кожа, натянутая на кости до предела, проткни ее ножницами — и она сдуется, как велосипедная камера.

Вот она наберет знакомое число на домофоне, которое складывается до счастливого, почувствует запах жилого подъезда — волглый, неожиданно хвойный (видимо, кто-то уже запасся елкой) — и войдет в пустую квартиру — и останется в ней навсегда — и никто не посмеет ее вывести из оцепенения, что лучше жизни, в которой есть Иванкова и Впадина, в которой глупые учителя спрашивают о чем-то на «конв».

Вечером, когда мама с Павлом Игоревичем вышли на прогулку, она попробовала заговорить с отцом. Экранные сполохи делали его лицо бледным: казалось, она вызвала умершего отца из небытия, как Саул на свою беду вызвал из мертвых Самуила.

— Папа, тебе никогда не бывает так грустно, что кажется, весь мир противостоит тебе?

— А?

— Нет, не так, не столько противостоит, сколько не замечает тебя? Ты словно копия среди копий.

Только сейчас София заметила, как маслянистыми пальцами он откладывает ото рта тонкие куриные кости и хватает с подлокотника кресла салфетки. Они рвутся, липнут к пальцам, не отстают от них.

— Может быть, тебе просто надо развеяться? Сходи погуляй со своей подружкой... не помню, как ее фамилия.

— Волобуева?

— Да-да, хорошая девочка.

И отец берет с тарелки, стоящей на табуретке перед ним, куриное бедро и подносит его к губам. На другой тарелке, неглубокой, педантично выложены мясные жилы и кости — друг за другом по длине.

— Папа, а зачем?

— Что зачем, Софочка?

— Зачем ты работаешь?

Он поворачивается к ней: что-то недоброе блестит в его глазах.

— Ну, знаешь ли, чем вам только голову не забивают в школе! Наше время тоже нельзя назвать правильным, но я не помню, чтобы я приходил к родителям и доставал их так, как ты.

— То есть тебе нравится твоя работа?

— Более или менее.

Куклы на экране снова стали двигаться: тени теней, неживые подобиya людей.

— И жизнь нравится?

— Софья, у меня двое детей, я исправно плачу налоги и люблю свой город, к чему этот пустой разговор?

— Но все это имеет лишь опосредованное отношение к тебе.

— То есть?

— Это всё ярлыки, понимаешь? Их наклеивают на тебя чужие люди, но ты другой, все другие!

Отец недовольно надувает губы, хмурится, со стороны кажется, что надбровные дуги вот-вот обрушатся и засыпят глаза, разобьют стекла и помнут дужки очков. На плечи проступает синий треугольник, на экране застывают медленные шторы, женщина-актер целует мужчину-актера, они изображают чувство.

— Послушай, иди лучше почитай сборник задач по литературе.

— Но ЕГЭ будет только в следующем году!

— Не важно, у меня был сегодня тяжелый день, Софочка, мне просто нужно отдохнуть. Взять язык и положить его на плечо. По рукам?

— Последний вопрос, папа. Ты счастлив?

— Вот сейчас не особенно, — безучастно отвечает он, так что София не понимает, с иронией следует воспринимать его ответ или нет.

— Но если ты не счастлив, как ты можешь сделать счастливыми других?

— Софа, пожалуйста...

Она поднимается с дивана с треском, отец качает головой, не глядя на нее, быть может, он действительно устал, а она так чувствительна потому, что к ней приближается то, о чем до сих пор ей стыдно говорить — даже Волобуевой — и уж тем более матери? Квартира полнится тенями, из открытых форточек льется плавкий холодный воздух, под ногами — разбросанные игрушки Павла Игоревича, что-то страшно пищит под стопой.

Ее комната увешана картинами, оставшимися после художественной школы: вот безымянная греческая голова, вот ошибочный римский бюст, вот северный олень в гуашевом цвете, акварели с изображением скандинавских городов и бордовой церкви с изжелта-луковичным куполом над шатром, покрытым медными листьями. София в темноте всматривается в оленя: он кажется ей ненастоящим, махровым; где все то возвышенное, что она думала, когда наносила краски на его тело и представляла, как в тайге его облепляет гнус — мошка и комарье, — как он страдает, а она воссозданием из ничего берет на себя его страдания?

София подняла крышку ноутбука и увидела на странице Волобуевой новую аватару: Елена в персиковой шубке, в сапогах с высокими голенищами стоит перед зажженной бенгальской

свечой, которую держит рука нового неизвестного, — а к аватаре сделана подпись: «Новый год начинается сегодня!» София резко сжала зубы, ей представилось, что еще чуть-чуть — и челюсти ее расколются. Недолго думая, она вбила в поисковике сочетание слов «синий кит» и, не разбирая, в каком-то запале самоистязания, нравственного помутнения, вступив в первую попавшуюся группу, написала в неопределимо-необозримое: «Хочу в игру!» Если бы она не боялась, что ее услышит отец, она бы высунулась из окна и прокричала во внутренности двора, по которому гуляет мама с Павлом Игоревичем, лишая снег совершенства, вытаптывая его до асфальта: «Хочу в игру! Только в игру — и больше никуда!» Она почувствовала внезапный прилив сил, как будто что-то в ней надломилось, — и поток еле сдерживаемого благодатного гнева затопил ее всю целиком со школой и домом, в окне которого она стояла в одном бюстгальтере и смотрела на то, как свет от фонарей взбалмошно искрится на стекле, тронутым морозом.

2

Спустя четверть часа ей написал некто по имени Абраксас Йах. На аватаре был изображен обнаженный мужчина с петушиной головой, со спутавшимися змеями вместо ног, в одной руке он держал извилистый кинжал, в другой — щит,